

Леди Дракнесс

**СРЕДЬ
БЕСКОНЕЧНОЙ
ЧЕРЕДЫ
СОЗВЕЗДИЙ**

Книга 2
Гатилайя

16+

Средь бесконечной череды созвездий

Леди Дракнесс

**Средь бесконечной череды
созвездий. Книга 2. Гатилайя**

«Автор»

2020

Дракнесс Л.

Средь бесконечной череды созвездий. Книга 2. Гатилайя /
Л. Дракнесс — «Автор», 2020 — (Средь бесконечной череды
созвездий)

Пятилетняя девочка, похищенная со своей родной планеты, попадает сначала на космический корабль, а потом и в другой мир. Его обитателям известно, что реинкарнация — не пустой звук, и в девочке они узнают тех, кому жаждут отомстить за случившееся в прошлых жизнях. Ребенку не под силу противостоять многочисленным козням могущественных врагов, но на помощь юной героине приходит таинственный воин, обладающий способностью летать среди звезд. Возможно, он и его соплеменники будут добрее старых знакомых девочки и откроют ей путь среди звезд к лучшей жизни...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Сосед	6
Глава 2. Карантин	9
Глава 3. Капитан	11
Глава 4. На корабле	13
Глава 5. Прибытие	16
Глава 6. Знакомство с аборигенами	19
Глава 7. Наметившиеся трудности отношений	22
Глава 8. Ночной визит	25
Глава 9. Окрестности	27
Глава 10. За пределами имения	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Леди Дракнесс

Средь бесконечной череды созвездий. Книга 2. Гатилайя

Пролог

Девочка лежала на прозрачно-белом, светящемся изнутри полу, прямо напротив панорамного иллюминатора, за которым простиралась кажущаяся одинокой в своей бесконечности темно-синяя бездна, мерцающая миллиардами звезд.

Она спала, вытянувшись во весь рост, трогательно подложив под щеку худенькую руку с крепко сжатым кулачком. Коротко стриженные волосы непослушными кудряшками топорщились в разные стороны. Ее складная, с прозрачной, светло-коричневой кожей фигурка контрастировала с белизной стен и несколько терялась на фоне звездного неба, одновременно создавая впечатление чего-то общего с ним. Как будто бы девочка была чем-то связующим, таким мостиком между звездным омутом, простирающимся за окном корабля, как проявлением космических сил стихий, сотворивших это бесконечное звездное небо, и звездолетом, созданным руками цивилизации, для того, чтобы присутствовать среди бескрайних просторов этого самого неба, пересекая его звездную пропасть ради своих интересов.

На корабле же, как и в космосе, царила почти абсолютная тишина, нарушаемая лишь сопением ребенка.

Казалось, что и на звездолете, и в этой звездной бездне из живых есть только она.

Но это было не так. И два ярких, василькового цвета глаза, внимательно наблюдающие за ней, были тому подтверждением. Пусть даже их обладатель и отсутствовал сейчас в этой каюте.

Глава 1. Сосед

Любое разумное существо во Вселенной задается примерно одинаковыми вопросами миру и самому себе, конечно, если у него есть время и силы их задавать.

Да, так или иначе, в той или иной интерпретации они известны всем, присущи любому сообществу или индивидууму: «Что наша жизнь», «Быть или не быть?», «Что делать?», «Тварь ли я дрожащая или право имею?», «Кому выгодно?».

Вот и я задалась примерно этими же вопросами.

Ну, начнем с того, что мне было непонятно: обитаем ли корабль? Или на нем из живых, есть только я? И если на нем присутствую не только я, то где этот кто-то? Почему прячется? А сама-то я тут как: на карантине? Заложница? Все вместе? И что и кому от меня, в принципе, надо?

А то, что кому-то и что-то надо от моей скромной персоны, в этом я совершенно не сомневалась.

Ко всему прочему меня, раздев в самом начале этого путешествия, в дальнейшем так и оставили в чем мать родила. И теперь в этой закрытой каюте я обитала в задуманном природой виде, без всякого налета цивилизации, в виде тех же трусов хотя бы. Но ни тебе одежды, ни простынки мне не выдали.

Ни-чего.

Так что и спала я на голом полу. Используя собственный кулак как подушку. Пол, правда, как и воздух в комнате, был теплым. Но будучи раздетой, почувствовала я себя слегка незащищенной, да и спать, ничем не укрытой, мне было неудобно.

Впрочем, сильно по этому поводу переживать я не стала. Решив, что незачем вырабатывать у себя какие бы то ни было комплексы. Голой так голой. В конце-то концов, здесь ведь не холодно.

Но тут, правда, возникал другой вопрос: если на корабле обитают только киборги, то оно ладно. Им без разницы, в чем я тут распекаю по каюте. А если не только? Хозяин этого звездолета, что – извращенец? Любитель малолеток? О, тогда это меняло дело. Тогда у меня были проблемы. Впрочем, они у меня и так явно были. Но наличие на борту педофила сильно их усложняло. Впрочем, пока я решила о них не думать, аккуратно до момента их проявления. Ну а там поглядим...

И посему свободно разгуливала по каюте раздетой. Любовалась звездами и не забивала себе голову лишними мыслями. В конце-то концов, туалет с ванной тут были, стоило лишь надавить ладошкой на выемку в стене. Роботы несколько раз в день приносили еду. У меня были зубная щетка и расческа. Ну и что еще надо? Да ничего. Оставалось только ждать. А ждать-то я умела.

Так что все ничего.

Из неприятного была бесцеремонность роботов при заборе у меня образцов: крови, волос и кожи. Висеть, беспомощно болтаясь в их объятьях, мне не нравилось. Впрочем, тут дело было даже не в неприятно – приятно. Дело было в ощущении беспомощности. Это злило, давя на самолюбие и пугая.

Но акцентироваться на том, с чем ничего не могу поделать, я не стала. Посему тренировалась в актерском мастерстве, изображая на физиономии испуг и удивление. Надеюсь, что изображала это я достаточно убедительно, загоняя мысль о разгроме этой посуды и о расправе над извращенцем, если он тут есть, поглубже в подсознание. Ибо неразумно с моей стороны было бы все это демонстрировать посреди глубокого космоса, ничего не зная ни о корабле, на котором лечу, ни о тех мирах, куда мы летим. А мы ведь куда-то летели. Вопрос: куда? И что там со мной собираются делать? Рабство? Эксперименты? Разберут на органы? А может, кто-

то любит экзотические блюда, приготовленные из мяса аборигенок из дальних миров? Или меня ожидает, чтобы убить, родня отца?

Вопросов было много, и все нерадостные. Только вот ответов у меня на них не было. Но это пока...

Поэтому в ожидании наступления этого «пока» я с удовольствием плескалась по нескольку часов кряду под душем, ела и любовалась звездами.

Затаившись. Выжидая.

* * *

Я легонько провела расческой по волосам, нежно улыбнувшись своему отражению. Взгляд больших, темно-зеленых, раскосых глаз, опущенных черными, длинными, густыми, чуть загнутыми вверх ресницами, был добр и чуточку испуган.

* * *

Если бы девочка могла видеть сидящего в высоком удобном кресле мужчину, она бы приняла его за человека. И ошиблась бы. При всем внешнем сходстве человеком он не был. Несомненно, гуманоидом. Да. Несомненно, sapiens. Да. Но не человеком.

Его цивилизация звалась имбанг и обитала на одной из планет Содружества, называемой Гатилайя по Таблице Классификаций Миров Содружества. Была она развита, но входя в Миры... держалась все же несколько особняком от остальных его членов, будучи, однако, в курсе всех событий, происходящих на планетах Содружества, в том числе и закулисных.

Мужчина был красив. Высокий, мускулистый. С правильными чертами ухоженного лица. Со смугловато-голубоватой кожей. Густые иссиня-черные волосы были коротко подстрижены. Элегантный костюм из светло-голубой перламутровой ткани был идеально подогнан по мускулистей, пропорционально сложенной фигуре. Длинные, чуткие пальцы изящных рук с небольшими ладонями украшало множество перстней.

Он вольготно расположился в кресле, потягивая через прозрачную трубочку сок из высокого узкого бокала, играющего на белом, льющемся отовсюду свету всеми гранями хрустала, и внимательно вглядываясь в экран расположенного прямо напротив него монитора.

Там, на экране, на полу карантинного бокса спала, беззащитно подложив руку под щечку, маленькая девочка.

Сидящий в кресле нахмурился. Он не верил в беззащитность катанианки. Конечно, она грязнокровка. Чистокровную он бы и не вывез. Но все же, все же... Ему следует быть осторожным.

Мужчина приподнял свой бокал и, вертя его в сильных, холеных руках, принялся разглядывать спящую сквозь его сверкающие грани.

Уж слишком много всего завертелось вокруг этой дикарки. И только ли эльфарские крови и гордыня ее эльфарской родни тому причиной? Это ему и следовало понять. И остаться в стороне, не разгадав эту интригу, он просто не мог. Иначе не был бы он имбангом. А разгадать ее можно было, только вывезя девчонку с ее планеты. И там, у себя дома, не торопясь...

Мужчина самодовольно усмехнулся. Случай привел его в этот сектор, а чутье заставило насторожиться, едва он уловил беспокойную активность в этом секторе. А когда уловил, то смог отследить транспортные потоки военных кораблей, сумел незаметно пробраться на Катую, вися на хвосте у Стражей, изловчился проследить за ними. И ухитрился вытащить оттуда дикарку, исхитрясь обойти патрули Стражей. После чего незаметно пересек границу Содружества, минуя радары Пограничных Станций. Да, несомненно – он был молодец!

Высокомерная усмешка искривила его рот.

И презрительно глядя в экран монитора на спящего ребенка, он холодно произнес резким, отрывистым тоном:

– Что ж, карантин заканчивается. А это значит, что скоро я пообщаюсь с тобой поближе, дитя двух Миров.

* * *

Катанианский детеныш сладко потянулся во сне, переворачиваясь на другой бок.

Глава 2. Карантин

Я прикрыла глаза и расслабилась. Мне предстояло познакомиться с кораблем. Тихо и ненавязчиво. Иначе он решит, что я представляю для него угрозу. Нет. Конечно же, нет. Я – друг. И мы с ним «одной крови». Я чуть улыбнулась, как бы засыпая, как бы в полусне.

Дыхание ровное. Животом. Я расслабленно лежу на полу каюты. Просто лежу, ни о чем не думая, ни о чем не волнуясь. Да и о чем волноваться? Задача поставлена. Мысли отключены. А вектор любопытства направлен внутрь звездолета.

Все. Полетели... Цель определена.

Словно легкое дуновение ветерка пронеслось по многочисленным каналам и узлам звездолета, невесомым облачком оседая внутри нейронов его сети. Чужая энергия наполнила каждый атом его оболочки, теплыми каплями скользя в пустоте между соединениями узлов и схем, заполняющих его нутро, являющихся как его частью, так и им самим. Другая энергия была словно отражением и частью его энергии. Теплой и дружелюбной. Она не несла угрозы или разрушения. Она была самостоятельной частичкой его самого. Теплой. Ласковой. С ним дружили, им восхищались.

Для звездолета эти ощущения были чем-то новым. Он не ощущал чужеродности или враждебности от них. Они были своими. Только какими-то более любящими, более открытыми. Как будто внутри него поселился маленький ребенок. И этот ребенок хотел с ним подружиться.

И корабль раскрылся, распахнулся навстречу этому чему-то теплому и нежному. Пусть и не совсем части себя, но самостоятельной частичке самое себя в ком-то, таком же как он, это уж точно.

Энергия потекла по его каналам, обволакивая, чуть зависая на перекрестках его схем и узлов и легко скользя дальше. А затем, пролетев легким бризом через каждый атом, его составляющий, легко испарилась прочь, оставив звездолет выполнять поставленные перед ним задачи и далее.

На корабле царили тишина и покой. Ни разу не моргнул свет, не перегрелся ни один блок, бортовой компьютер работал четко и быстро, просчитывая варианты маршрута и анализируя возможные опасности на пути следования по нему.

Так что сидящий в кресле мужчина мог спокойно подремать.

Что он и сделал, откинувшись и вытянув ноги поудобней.

Лишь один раз он беспокойно дернулся во сне, когда ему показалось, что его звездолет внимательно посмотрел на него.

Но открыв глаза и проверив показания приборов, сидящий в кресле успокоился. И списав все на нервное напряжение последних дней, вновь задремал, вольготно откинувшись в кресле.

* * *

«Значит, состав звездолета и маршрут мне понятны. Осталось разобраться с его хозяином», – решила я, вновь расслабляясь.

Залезть в мозги капитана было не сложнее, чем в бортовой компьютер.

И глубоко вздохнув, я не полетела, нет. Легкой змейкой скользнула туда, где белесое марево сна незнакомца было не таким плотным. А проникнув в его шар внимания, не полезла дальше, а просто растеклась энергией по его оболочке. Не тревожа ни самого хозяина, ни сигнальную систему его сновидений.

Через полчаса я знала о нем все. Вытянув из его сознания и подсознания всю информацию, словно скопировав ее с жесткого диска на флешку. Нет, я не взламывала систему. Просто впитала ее в свое поле, как губка воду, и, убравшись прочь из защитной оболочки шара сновидений, аккуратно оттянула одну из своих энергетических оболочек на расстояние вытянутой руки от плотного тела, рассматривая скопированную информацию на предмет вирусов, ловушек и дезы. А убедившись, что все чисто, вновь стала одним целым со всеми своими тонкими телами, просматривая и анализируя полученные сведения внутри собственного поля.

«Значится, карантин. А то вдруг заражу чем-нибудь. Вирусы там всякие начихаю... Ну, ну», – ехидно ухмыльнулась я про себя, переворачиваясь на другой бок и зевая.

Ночь выдалась энергозатратной и весьма плодотворной. Надо было и поспать. Ведь судя по тому, что я узнала, завтра заканчивается срок моего карантина. А значит, предстоит знакомство с хозяином этого корабля. Мне точно стоит быть в форме.

Так что спать, спа-а-ать...

Глава 3. Капитан

Проснулась я от того, что пол подо мной начал проваливаться. Я попыталась вскочить, но не успела. Мою грудь перехлестнули два широких и крепких ремня, не давая возможности пошевелиться.

Испуганная, я чуть приподняла голову, разглядывая себя. Оказалось, что лежу в какой-то эллипсоидного вида, неглубокой нише, образовавшейся в полу, по рукам и ногам спеленатая ремнями, словно лялька пеленками.

А подняв глаза вверх, я обнаружила бесшумно вошедшего в каюту и теперь стоящего прямо надо мной капитана этого звездолета, который, чуть наклонившись вперед, весьма пристально меня разглядывал.

Должна заметить, что моя нынешняя поза и моя же беспомощность были для меня еще более унизительны, чем болтание в лапах роботов в подвешенном состоянии. Впрочем, сосредотачиваться на этих чувствах я не стала. А начала пристально разглядывать незнакомца.

Нет, никакой похотью от него и не пахло. Презрением, высокомерием – это да. Хоть он и пытался их скрыть. Но сжатые в тонкую линию губы то и дело кривила брезгливая усмешка, непроизвольно показывающаяся на холеной физиономии. Взгляд ярко-синих глаз был холоден и жесток. Да что там холоден. Об эти две льдины можно было порезаться.

Ну а то, что он меня связал, говорило о его страхе перед моей скромной персоной.

Одним словом, начало было многообещающим. И повествовало мне о том, что мое будущее существование что с ним здесь и сейчас, что на его планетке, в общем, будет весьма непросто.

Но свои выводы я оставила при себе, как и свое отношение к такого рода тварям. Так что моя физиономия выражала лишь испуг, недоумение и интерес, что не являлось такой уж актерской игрой. Эти чувства я действительно испытывала. Вот и выдвинула их на передний план, чуть преувеличив с помощью эмоций. Что было нетрудно, зато позволяло скрыть остальные чувства, которые я испытывала к вошедшему в мою каюту самцу.

А вошедший, должна признать, был красив и импозантен. Что добавляло мне разочарования в отношении к нему. Я почему-то от красивых людей ожидала и благородства души и красивых поступков. Тем более от мужчин. Но в данном случае все было явно в точности до наоборот. И от этого на душе становилось как-то мерзко. Наверное, это называется предвидением.

Незнакомец тем временем приблизился еще на полшага. Незаметное движение пальцами, и под ним словно выросло кресло, поднявшись из пола светящимся белым цилиндром и распустившись, словно огромный цветок, под пятой точкой хозяина корабля.

Усевшись в него, мужчина вальяжно закинул ногу на ногу, отчего ступня его ботинка нависла над моей физиономией.

Что ж, уважение к моей персоне было просто налицо. Ни убавить, ни прибавить, что называется.

Но свое фе ему я демонстрировать не стала, с интересом рассматривая черную подошву его серебристых ботинок. А она была рифленая, с какими-то металлическими вставками из темно-серого металла.

Вообще, глядя на него, у меня создалось стойкое ощущение того, что он с превеликим удовольствием был готов впечатать эту самую подошву мне в физиономию.

Мужчина тем временем, перестав покачивать ногой, наклонился ко мне и холодно произнес, приложив ладонь к груди:

– Грх.

«Имя», – подумала я.

И в ответ произнесла как можно более доброжелательно, с искренним любопытством глядя на незнакомца:

– Рафика.

Ноздри прямого тонкого носа презрительно дернулись.

«Вид такой, как будто бы его сейчас на меня вырвет», – насмешливо подумала я, опасливо рисуя себе последствия этого действия представителя высшей аристократии.

Но слава Высшему, все обошлось. И капитан сдержал свои позывы. Так что мыться после нашей беседы долго и старательно мне не пришлось.

А пришлось облачаться в привезенную роботом одежду под изучающее-пренебрежительный взгляд Грх(а), а затем в сопровождении двух роботов следовать за ним.

Отправились мы первым делом в лингафонный класс, где меня усадили в высокое кресло, нацепили наушники, обвешали какими-то датчиками голову и шею, установили прямо напротив глаз какие-то две белые трубки, после чего свет погас, а перед моими глазами поплыли какие-то картинки, сопровождаемые звуком и легкой вибрацией прицепленных ко мне датчиков.

Так началось мое изучение языка. Сначала имбангов. А точнее, мбнг, в их языке не было гласных звуков. А потом и эсперанто Содружества.

По три часа на каждый.

Вышла я из этого кабинета ошалевшая, чуть покачиваясь от усталости. Голова казалась раздувшейся от вложенных в нее знаний.

А затем была экскурсия по кораблю. С произнесением названий кают, предметов капитаном и моим повторением за ним их наименований.

После чего меня отвели обратно в каюту и покормили (наконец-то!).

Чуть позже, еле-еле приняв душ, я завалилась спать.

И сил даже на сновидения у меня просто не было.

Глава 4. На корабле

Как выяснилось, это была яхта. Небольшая такая. Всего-то пятьдесят метров. Скромная, судя по наличию на ней удобств. Зато хорошо вооруженная, в рамках дозволенного Уставом Содружества Планет для частных лиц. С хорошими ходовыми качествами, тоже на предельных показателях, указанных в разрешительных сводах Устава для частных лиц. Так что, с одной стороны, не придерешься, а с другой – эта машина при умелом пилоте была способна на многое.

На яхте, кроме карантинного отсека, имелось две каюты, машинный отсек, капитанская рубка, она же кубрик, медотсек, кладовая-кухня, спортзал, он же зал релаксации и лингофонный кабинет в одном флаконе, и машинный отсек. А также наличествовал инженерный, он же и оружейный, отсек и ниши для роботов и дронов, встроенные в стены корабля. Туда же были встроены и орудия для защиты от непредвиденных угроз. Имелось также пара шлюзов.

Кроме того, во встроенных в стены по всему кораблю и хорошо освещенных нишах росло множество самых разнообразных растений, нашедших себе местечко буквально в каждом отсеке корабля, кроме карантинного и шлюзов.

Одним словом, на корабле все было устроено довольно продумано, компактно и удобно. Ничего лишнего, и все под рукой, что называется.

Как я узнала, звездолет был рассчитан на двоих: пилота и штурмана, совмещающего эти два направления с инженерной и оружейной специализацией, а также со специальностями врача и повара. Правда, учитывая уровень автоматизации яхты, это было совсем несложно.

Кроме того, на борту имелась замечательная видеотека, аудиотека и множество обучающих программ, кои я теперь и постигала по многу часов кряду, после чего шла сбрасывать напряжение в спортзал. Где имелись: небольшой бассейн на пять метров с одной дорожкой, несколько тренажеров и массажная кровать.

Как говорится – все, что надо, чтобы сбросить накопившееся напряжение, возникшее после усиленной работы головой.

Ходила я везде в сопровождении двух дронов. Впрочем, и без них за мной наблюдало множество камер. Так что особо никуда не сунешься, если доступ тебе закрыт. Да, учитывая электронно-биометрические замки повсюду, я и так никуда бы не залезла без разрешения. Что меня совершенно не волновало. Слишком много сил и времени занимала учеба.

Языки, письменность, история, этикет, обычаи, литература, искусство, кулинария, анатомия, все виды биологии, математики, химии и физики, информатика, юриспруденция, психология, география, экономика, техническое моделирование.

Да у меня голова пухла от объема тех знаний, которые я должна была в нее вместить. Плюс практические занятия по танцам, этикету, языкам, музыке, пению, живописи и пр., и пр.

А ведь изучала я все это не по одной планете. Нет, ну по одной-то тоже, но и в целом по планетам Содружества, с уходом в частности по каждой из них.

Одним словом, скучать мне не приходилось, благо и память не подводила, и модуляторы были на высоте. Так что через несколько месяцев полета я изучила и оружейное дело, и инженерное, и программирование, с работой на модуляторах, естественно. Хотя «изучила» – это сильно сказано, конечно. Так, приобрела некоторые базовые знания, умения и навыки. Нет, не по желанию капитана. Ему хватало и математики с песнями и танцами народов Содружества.

Сама. Ночью, естественно, когда хозяин этого звездолета спал. Благо этот кораблю давно был под моим контролем, так что никаких следов моих занятий утром и в помине не было.

Единственное, чего я не понимала до конца, так это того, почему мы не используем «кротовые норы». Ну, вначале понятно – Патрули Содружества могли засечь направление нашего скачка и связать его с Катой, тем более что там стоял тот еще шорох. Потом я объясняла это себе моим карантинном и обучением, хотя последнее можно было бы произвести и уже на месте,

честно говоря. А вот дальше... Прошло три месяца. Карантин пройден. Язык подучен. Направление не отследить. Да и кто будет досматривать яхту без особых причин? Или могут? И нам надо опять же миновать блокпосты и патрули космической полиции и военных?

Этот блок размышлений капитана я взламывать не стала. Слишком велик был шанс спалиться. Поскольку эти знания он подсознательно охранял сильнее прочих. Соответственно мог заподозрить попытку чужака их хакнуть. Поэтому я удовлетворилась общим эмоциональным фоном, возникающим при мысли о полете к его планете. Фон был тревожным, в нем сквозила неуверенность.

А из этого следовало, что опасался он не только патрулей, но и своих земляков, после того как они обнаружат мое присутствие на корабле. Впрочем, сие следовало не только из эмоционального фона мбнг(-а), но и из тех сведений, что я о них почерпнула из различных статей.

Однако время шло. Пора ему было и определяться. Существовал, конечно, риск того, что окончательно струсив, он просто-напросто выкинет меня за борт звездолета. Полетать в открытом космосе, так сказать. И это был не самый желательный для меня вариант. Но учитывая, что я, хоть и имела некоторую возможность передвигаться по кораблю, оставалась жить в карантинной каюте, он был вполне возможен.

Я тяжело вздохнула от этих нерадостных мыслей, потягиваясь и усаживаясь напротив иллюминатора поудобнее.

Наступало время звезд...

* * *

А звезды, как всегда, были великолепны. Хотя рисунок созвездий несколько изменился. Теперь я знала названия каждого из них. Я помнила характеристики большинства из них. Почти физически ощущала движение газовых облаков в межзвездном пространстве и скопление пыли в поясе астероидов, окружающих ближайшую к нам систему.

Я плыла, купаясь в этих ощущениях. Расслабившись и будучи начеку одновременно. Мало ли чего там приспичит соседу?

А душа просто пела и сжималась в тихом экстазе от заполнившего все мое существо восторга при виде этой звездной бесконечности, когда за бортом корабля мелькнула легкая тень. Вздогнув от неожиданности, я распахнула зажмуренные от удовольствия глаза и прислушалась.

Все было спокойно. Ни воя сирены, ни форсирования двигателей. Ни-чего. Но что-то же там мелькнуло... Там, где ничего быть не может. Или может?

Я наморщила лоб, вспоминая. Что-то там было такое о некой цивилизации, нейтральной всем силам. Вроде как они, изменяя форму, могут летать меж звезд.

Но я-то отнесла это к мифам. А не надо было?

Мои брови удивленно поползли вверх. Я почти прилипла к окну, вглядываясь в окружающее яхту пространство.

И вовремя. В темно-синей дали, словно за опущенным занавесом, я уловила какое-то шевеление. Будто кто-то двигался за кулисами этой сцены. Двигался, осторожно перебирая драпировку дорогой ткани. Крался, выискивая разрыв между занавесками. Приблизился, чтобы, порвав ткань этого Мира, выскочить наружу, как чертик из табакерки, сея смерть и разрушения, поедая энергию этой Вселенной.

Я одновременно вздрогнула, отскочила от иллюминатора, вскочила на ноги и всей ладонью, с силой начала колотить по кнопке вызова капитана, испуганно ругаясь не самыми литературными словами.

Мне казалось, что эти несколько секунд, что происходило соединение карантинной каюты с капитанским мостиком, длились вечно. Наконец рядом со мной возникла голограмма нужного мне лица.

– Ты чего? – непонимающе поинтересовался он, подозрительно глядя на меня.

Голос соседа был чуть заспанный и раздраженный. Он настороженно и недоверчиво изучал мое лицо. Высокий лоб прорезала пара морщин. Взгляд, и без того не лучившийся добротой и заботой, заledenел окончательно. Корпус напрягся, выдавая напряжение.

Но мне было все равно. Я резко полуобернулась к окну и, тыкнув в сторону обнаруженной мною аномалии длинным тонким пальцем с аккуратно подстриженным, пурпурного цвета, блестящим ногтем, резко выдохнула из себя:

– Там. Иные. Ищут нору. Я чувствую.

Теперь уже настала очередь бровей на лице моего соседа взлететь вверх.

К его чести, он не стал ничего уточнять или манерничать, изображая недоверие. Просто резко и коротко рявкнул:

– На пол! Легла! Быстро!

И я шлепнулась на пол прямо там, где стояла.

В полу вновь возникло углубление. Вновь два ремня крепко обхватили мое тело. А сверху над моим лежищем возник прозрачный, переливающийся серебром купол. Створка иллюминатора закрылась. И судя по тому, как меня впечатало в пол, мы рванули...

Глава 5. Прибытие

Дикарке я поверил сразу. Она бы не прошла пустыню и джунгли, да еще захватив в своем путешествии и кусок моря, если б не обладала запредельной интуицией, позволяющей ей чувствовать опасность заранее.

К тому же она была не обременена умом цивилизованного существа, начинающего копать в своих ощущениях, убеждая себя, что ему, наверное, что-то там просто показалось и надо выждать и посмотреть... Нет. Эта не размышляла, полностью доверяясь инстинкту самосохранения. Что и позволяло ей не только заранее чувствовать опасность, но и вовремя обходить ее стороной.

Впрочем, должен заметить, что даже для дикаря ее интуиция была чем-то особенным, что вызывало определенный интерес к этому экземпляру, с моей стороны. Но плотным исследованием этой особи я был намерен заняться чуть позже. Сейчас главное – уйти в безопасный для полетов квадрат.

Я откинулся в кресле, послав сигнал о предполагаемой опасности в секторе К 120, патрулям Содружества, и отвел рычаг скорости от себя на максимум. Конечно, был бы это военный корабль, там был бы гораздо более удобный в плане управления штурвал. Уж об истребителе я и не говорю. Там рука на сенсорный шар, и все. Поехали. Но сия роскошь гражданским судам была недоступна. Так что приходилось ограничиваться дозволенным.

* * *

Уголок рта мужчины раздраженно дернулся. Он прекрасно понимал причины запретов, но уж очень сильно било по самолюбию то, что их было невозможно обойти ни за какие денежные единицы, и никакие связи тут не действовали.

Яхта тем временем рванула прочь из опасного района с максимально возможной для ее класса скоростью. Вдавливая тело пилота в кресло и влетая в ближайшую к ней кротовую нору.

И темно-синее звездное небо превратилось в непроницаемо-черный коридор, с множеством белеющих на его стенах огоньков. Внутри, несмотря на исправно работающую систему отопления звездолета, ощутимо похолодало.

Впрочем, для существа, облаченного в специальный костюм, это не имело значения.

* * *

Оказавшись внутри межпространственного прохода, корабль чуть повел носом, как гончая, учуявшая дичь, и, определившись с координатами, направился в сторону одного из множества белеющих в этом черном пространстве огоньков. Выныривая из норы в наиболее удобном для его капитана квадрате.

* * *

Мужчина резко выпрямился. Отсюда до его планеты было рукой подать. Нахмурившись, отчего его тонкие, серповидные брови сошлись на переносице, он одним движением пальца вывел на голографический экран логистические данные.

А через несколько секунд, удовлетворенно хмыкнув, задал нужное направление ИИ яхты и, вальяжно откинувшись в кресле, протянул руку к тут же выдвинувшемуся из стены столику,

на котором стоял широкий хрустальный бокал, наполненный переливающейся всеми цветами радуги жидкостью.

Судя по данным бортового компьютера, пространство было чисто и ничто не мешало его «Светящемуся дождю» произвести посадку на Гтлл(-е), прямо на личном космодроме его семьи.

И он был прав.

Через пару часов шасси звездолета плавно коснулось каменных плит в окрестностях имени З-Хшх.

Трудный полет был благополучно завершен. Они были дома.

Прошло еще полчаса, и створки дверей яхты распахнулись, трап опустился на серый камень космодрома, а в дверях показался высокий, одетый в темно-синюю, расшитую золотом тогу мужчина. И не торопясь начал спускаться по пологим ступеням трапа, обитым зеленой ковровой дорожкой.

Следом за ним в дверях возник робот, ведущий за собой смуглое, черноволосое создание на тонком эластичном шнуре, затянутом в виде петли на тоненькой шейке. Руки девочки были связаны спереди таким же эластичным шнуром.

* * *

Я с интересом огляделась. Другая планета как-никак. Кроме того, я не видела ее сверху. До самого приземления меня продержали в ячейке. Так что мое любопытство было вполне оправдано. Как и возникшая доля презрения к одному из ее представителей.

Вот скажите на милость, зачем ему надо было меня связывать? Я что, убегу? А куда? Нападу? А зачем? Смысл нападения или побега? Я одна и на чужой планете. Мне деваться некуда. Надо осматриваться и приспосабливаться. Логично? Логично. Значит, что? Правильно. Значит, вести себя я буду тихо. Так смысл в поводке и связанных руках?

Вздыхнув, я решила, что все дело в демонстрации силы и страхе. Типа показать мне, что я на положении зверушки, рабыни. Никто и ничто. И что моя жизнь в его власти. Это с одной стороны. А с другой – мой сосед, как я его прозвала про себя, явно был не уверен в себе, побаивался меня и был... Да пожалуй, что он в принципе был не уверен в том, что поступил правильно, привезя меня сюда. И в том, что удержит ситуацию под контролем относительно своих соплеменников, тоже.

Впрочем, эти думы не помешали мне мысленно поздороваться с Планетой и Хозяевами, ее населяющими. А в моем представлении это были отнюдь не гуманоиды, за одним из которых меня тащили на привязи.

Так я размышляла, идя по коридору корабля и стоя в его дверях. Но как только я сделала шаг наружу, то просто замерла на верхней ступеньке трапа.

Открывшееся моим глазам зрелище было великолепно!

Густой, темно-зеленый лес окружал нас со всех сторон. Высоченные деревья подпирали зеленоватое небо, теряясь своими макушками где-то в его вышине. Их вытянутые, широкие листья были мясисты и блестели в лучах темно-зеленого восходящего, если я правильно определила стороны света, солнца. Изумрудного цвета трава была покрыта крупными, прозрачными каплями росы. Воздух был прян и свеж.

Я с чувством вдохнула и выдохнула его несколько раз, прочищая легкие после закрытого мира звездолета.

Нет, со свежестью в нем все было в порядке, да и клаустрофобией я не страдала. Но все же я соскучилась по просторам планеты, по настоящему, если так можно сформулировать, после проведения энного количества времени среди искусственного. Пусть и не мертвого, но и

не такого живого, как зелень этого леса. Притом леса безопасного, как я успела почувствовать. По крайней мере пока никакой угрозы он в себе не нес.

Мои размышления прервало нечто напоминающее то ли капсулу, то ли квадлинг. Открытое и парящее над землей.

«Эти пол-яйца называются адипле¹», – вспомнила я, вслед за соседом заползая на его мягкие, обитые кожей сиденья.

После чего адипле чуть приподнялся над землей и понес нас куда-то вперед, ловко скользя на поворотах, паря над выложенными серыми каменными квадратами, с проросшими между ними мелкими цветочками, дорожками. И опустился прямо перед огромным каменным домом, построенным из светло-серого, с белыми прожилками камня.

Дом был двухэтажным, с огромным крыльцом, с огромными окнами, со стеклянной крышей, со множеством колонн и лепниной.

Одним словом, это был «особняк» – вспомнила я еще одно незнакомое слово.

Вернее, знакомое, но лишь теоретически. Теперь же я могла сочетать теорию с практикой, поднимаясь по широченным ступеням его крыльца.

¹ Адипле (или дпл – на местном наречии) – кабриолет мобила. Вид транспорта.

Глава 6. Знакомство с аборигенами

Робот приподнял меня, вытаскивая из адипле, и тут же опустил на землю, поставив на первую ступеньку широкого крыльца.

Грх не спеша вылез следом за нами, перекинув мускулистую ногу в черных, облегающих брюках через борт «яйца», как я про себя окрестила данный вид транспорта, отчего его тога чуть задралась. Оказавшись на земле, он встал как вкопанный, дождавшись, пока подлетевшие роботы-дроны расправят все складки на его шикарном одеянии. А то, что оно было дорогим, мне стало ясно, лишь только я увидела, из какого материала оно было сшито и какими нитками расшито.

Темно-синяя ткань, гладкая и блестящая, словно шелк, будто светилась изнутри каждой ниточкой, из которой была соткана. А золотые нити вышивки словно генерировали в себе теплый, желтый свет, отблеск которого придавал темно-голубой ткани тоги дополнительное свечение, но не перекрывал при этом своим светом ее внутренний отблеск. Только на эту игру света можно было смотреть если не бесконечно, то достаточно долго.

Однако от созерцания достижений текстильной промышленности одной из развитых цивилизаций меня отвлек резкий, короткий, звонкий вскрик:

– Х!

Я удивленно повернула голову на незнакомый голос.

Сосед вздрогнул, поворачивая голову туда же. Судя по всему, для него появление еще кого-то оказалось такой же неожиданностью, как и для меня. Его физиономия вытянулась, брови взлетели вверх, он чуть побледнел, и без того тонкие губы сжались в узкую линию, уголок рта чуть брезгливо опустился вниз.

Я же с неподдельным любопытством рассматривала стоящую в дверях особняка женщину.

Высокая, с безупречно прямой спиной и тонкой талией. Она была одета в голубую тунику, расшитую темно-синей нитью. Иссиня-черные волосы были собраны в тугий хвост и струились по ее спине до самых лодыжек. Огромные, круглые, как у птицы, под очень длинными, густыми ресницами глаза цвета ночного неба от возмущения просто метали молнии. Чуть заостренный подбородок с симпатичной ямочкой, изящный маленький рот, смугловато-голубоватая безупречная в своей гладкости кожа. Прямой тонкий нос. Она, несомненно, была красива. И кажется, была родственницей Грх(-а). Я бы сказала, что его сестрой. Но мало ли? Кто их знает, этих прилетков, как там у них обстоит дело с родней?

– Г, – чуть растерянно откликнулся мой сосед, исподлобья глядя на вышедшую из дверей женщину.

Та же, раскрасневшись, а вернее, рассиневшись, поскольку ее щеки вспыхнули темно-синим от прилившей к ним крови, возмущенно сверля его взглядом, быстро начала спускаться вниз, легкой, воздушной походкой, почти не касаясь маленькими ногами, обутыми в темно-синие кожаные туфельки на высоком каблуке, гранитных ступеней крыльца.

Остановившись прямо напротив меня, она чуть наклонилась вперед, осматривая меня с ног до головы удивленным, непонимающим взглядом своих огромных глаз. А затем в их глубине мелькнуло какое-то узнавание и понимание. Отчего они стали еще больше, маленький рот чуть приоткрылся, и я разглядела ровные белые, с чуть голубоватым оттенком зубы незнакомки.

Она резко выпрямилась, отчего изящные, тонкой работы серьги в ее ушах возмущенно звякнули, и, нахмутив стреловидные брови, произнесла, с гневом глядя на Грха:

– Катанианка.

От холодности ее тона должно было заледенеть все вокруг.

Сосед еще больше побледнел и чуть отстранился назад под напором своей родственницы. А мне было все равно.

Я с интересом осматривала точеную шею незнакомки, ее тонкие руки со множеством браслетов тончайшей работы, выполненных из какого-то дорогого металла. Ее маленькие, аккуратные ушки с голубоватой мочкой. Смотрела на миниатюрные кисти рук с красивыми, длинными пальцами. На удивительной работы кольцо и перстень на ее изящных пальчиках. Рассматривала маникюр на ее ногтях.

В общем, мне было что порассматривать, пока они что-то там выясняли между собой.

– Полукровка, – не разжимая губ, произнес мой сосед.

Глаза женщины загорелись каким-то нехорошим огнем. Она в упор посмотрела на брата.

– Род Эстерсэль, – пояснил он, зябко передернув плечами под ее взглядом.

Женщина не спеша выпрямилась и чуть наклонила голову набок, вопросительно глядя на него.

– Глава рода Эстерсэль уничтожил весь ее род, – продолжил сосед, хмуро глядя на сестру. – И был уничтожен собственным сыном – ее отцом. Который также погиб. Был вывезен Черными Стражами для переделки в киборга.

– А ты вывез ее! – запальчиво воскликнула Г. – Они оставили, а ты вывез.

От возмущения она притопнула ногой и всплеснула руками, отчего браслеты на них мелодично зазвенели.

– Да, – склонил голову ее брат, чуть прикусив нижнюю губу.

– Решил разыграть эту карту, – сквозь плотно сжатые губы процедила незнакомка.

Взгляд Грх(-а), стоящего теперь прямо напротив нее и смотрящего на женщину чуть сверху вниз, был непроницаем.

– Черные оставили, а ты взял, – чуть более резко, показав кончики голубоватых зубов, подвела она итог его рассказу.

Мой сосед лишь молча прикрыл глаза, отчего под ними образовались черные круги. То ли из-за его длинных ресниц, отбрасывающих тень, то ли от волнения.

Дроны тем временем закончили расправлять складки на его тунике и улетели куда-то в сторону.

Зато прилетел кое-кто другой. Отчего мой спутник напрягся еще больше, а его собеседница явно испытывала двойкие чувства. С одной стороны, она обрадовалась, а с другой – тоже несколько сникла, потеряно глядя прямо перед собой.

Из приземлившегося адипле в черной тоге, расшитой малиновым узором, вылез статный, широкоплечий мужчина с ярко-рыжими волосами. Однако, как я отметила про себя, его густые, прямые волосы были тем не менее иссиня-черными у корней.

А с голубовато-смуглого, с чуть широковатыми скулами, ухоженного лица, из-под густых, сросшихся на переносице бровей на меня цепко и оценивающе взирали два огромных коричневых глаза, чуть прикрытых тонкими, почти прозрачными веками, осененными густыми, длинными ресницами.

Внешне подошедший к нам мужчина был абсолютно расслаблен и спокоен. Но по тому, как напряглись остальные собравшиеся у крыльца, по умоляющему взгляду женщины, обращенному к только что прилетевшему, по небольшому дрожанию кончиков пальцев ее брата я поняла, что его спокойствие, пожалуй что, было обманчиво. И с большим интересом уставилась на новое действующее лицо.

Синеватые губы подошедшего чуть тронула ласковая улыбка, и он произнес глубоким бархатным баритоном на чистейшем наречии Красной Пустыни Каты:

– Как твое Полное Имя, Дитя Красных Песков?

Речь его была учтивая, а вопрос задан правильно, так что я ответила:

– Рафика Серра Эль Грей, – и, полсекунды подумав, добавила: – И еще похоже, что Эстерсэль. Хоть предполагаемым родственникам это и не понравится.

Я усмехнулась одним уголком рта, оценивающе оглядывая незнакомца с ног до головы. Женщина тем временем, казалось, еле сдерживается, чтобы не упасть в обморок.

«Интересно, она такая впечатлительная от страха или от вождения? А может, от того и другого?» – подумала я, глядя на нее краем глаза.

Новое действующее лицо тем временем сделало знак одному из сопровождающих его дронов, и тот, подлетев ко мне, распутал мне руки и расстегнул ошейник, просто перекусив их чем-то типа пассатижей, высунувшихся из его брюха.

Грх дернулся было что-то возразить в ответ на это действие, но рыжеволосый лишь улыбнулся ему открыто и доброжелательно, отчего на его щеках образовались две весьма милые ямочки. И сосед тут же побледнел и сник.

Я же стояла, с любопытством вертя головой по сторонам и растирая чуть затекшие от пут руки.

– Так понимаю, девочка привезена сюда из гуманистических соображений и проходит социализацию? – почти нежно уточнил мой освободитель у Грх(-а).

– Дрй, – умоляюще произнесла женщина, не смея поднять на прилетевшего глаз.

Мой сосед хотел было что-то возразить, но не решился и лишь кивнул головой, смиряясь со сказанным.

Я стояла молча, делая вид, что рассматриваю пейзаж, незаметно переводя взгляд с одного на другого, а с другого на третью, стараясь пока не формулировать начинающие у меня возникать вопросы.

Повисла пауза, прерванная вопросом, заданным холодным и высокомерным тоном:

– Что здесь происходит?

На боковой дорожке, ведущей, видимо, куда-то в сад, в зеленоватых лучах солнца, рядом с огромным, цветущим белыми цветами, высоким, раскидистым кустом стояла женщина.

Голубая туника, расшитая белым узором, подчеркивала изящество ее фигуры, похожей на песочные часы. Огромные бледно-голубые глаза смотрели на нашу компанию требовательно и вопросительно. Ее голос был чуть хрипловат, и в нем проскальзывали высокомерные, презрительно-сниходительные нотки. Женщина была явно старше остальных по возрасту.

«Видимо, их мать», – решила я, всматриваясь в ее ухоженное лицо.

Она не спеша подошла к нам и...

При виде меня ее лицо с тонкими, изящными чертами перекосила гримаса отвращения, отчего она аж попятилась.

– Это что? – зло прошипела она, отступая от меня на два шага и тыча в мое лицо длинным пальцем с изысканным маникюром.

– Социализация, – властно, словно рубя, отчеканил Дрй, одновременно чуть приподняв брови и насмешливо-вопросительно глядя на женщину.

– Сын?! – та в ответ взвизгнула, обращаясь к Грх(-у).

Но мой сосед лишь молча склонил голову.

– Мама, не надо, – виновато произнесла Г, осторожно пытаясь взять мать за руку.

Но та лишь брезгливо отдернула чуть широковатую для женщины, на мой взгляд, ладонь, истерично вздернув точеный подбородок, и сквозь зубы процедила:

– Пройдемте в дом, господа. Я хочу знать, что происходит в моей семье.

Сделав акцент на последнем слове, она первая начала подниматься по лестнице.

А я, глядя сзади на ее прямую, словно кол проглотила, напряженную спину, на гордо вскинутую голову с аккуратно уложенной прической, понимала, что у меня с этой... точно будут проблемы. И большие.

Сердце болезненно екнуло, комком подкатив к горлу.

Глава 7. Наметившиеся трудности отношений

В особняке мне выделили небольшую, по меркам местных жителей, комнатку на втором этаже, в его левом крыле.

Но для меня эта невзрачная, по мнению местных, комнатка была просто верхом роскоши.

Камин, огромная кровать под балдахином, пушистый ковер на полу, мраморный пол, мозаичные стены, лепнина, расписанный потолок, фрески на окнах, огромная люстра. Ванная и уборная в соседних комнатах. Софа, трельяж, пуфики, кресло, журнальный и письменный столы, диван. Пейзажные картины на стенах. Пара библиотечных стеллажей. Буфет. Гардеробная с огромным резным шифоньером. Все старинной работы. Шелковое постельное белье на кровати. Мягкие подушки и пушистое одеяло. Канделябры. Панорамное окно с выходом на балкон.

Да для меня это был верхом уюта!

А за окном был сад.

И как одуряюще пахли цветы в этом ухоженном огромном саду! Их запах пьянил и будоражил, разносясь по моей комнате с каждым дуновением ветерка.

За окном было лето. Было тепло, и пели птицы.

Хотя правды ради должна заметить, что эта выделенная мне комнатка была самая маленькая и бедно отделанная, по меркам этого дома. Что находились они в самом дальнем уголке особняка. И что окна выходили в самую заброшенную часть огромного сада, окружающего этот особняк.

Одним словом, мамочка Грх(-а) на правах старшей в этой семье сделала все, чтобы меня унижить, демонстрируя свое презрительное отношение к «поганой катанианской дикарке, присутствие которой оскорбляет как ее достоинство, так и ее дом, который она запачкала своим присутствием. И более того, унижает весь их славный род, восходящий в своем генеалогическом древе аж к...» Куда там восходит их род, мне дослушать не удалось, хотя и было интересно.

Нет, меня, конечно, пытались оскорбить, но обращать внимание на такие мелочи, когда надо было собрать побольше сведений обо всем, я не собиралась. И сидела себе тихо и молча, на самом краешке пуфика, стоящего в самом дальнем и темном уголке гостиной, где собралось все это замечательное семейство, дабы перемыть мне косточки. Сидела, скромно сложив руки на коленях, грея уши и наматывая на ус все то, что в запале вещала рассерженная мамаша.

Жаль, что недолго. В разговор резко вмешался Дрй, муж сестры Грх(-а), как я поняла из их беседы. Честно говоря, его вмешательство меня несколько расстроило, ибо что может быть лучше того, когда аристократическая сдержанность улетучивается, как ее и не бывало, и ты за пару минут узнаешь столько, сколько не узнал бы и за год совместного проживания?

Анализ данных, однако, не отменяет принятия мною к сведению всех тех высказываний в мой адрес, что прозвучали в этом зале.

Но вмешательство Дрй(-я) их прервало на самом пике, можно сказать. Мамаша-то разошлась не на шутку, обличая меня, мою планету, мое происхождение и пеняя своим детям на неуважительное отношение к ее персоне.

Впрочем, я была на него не в обиде. Если бы не он, меня или посадили бы на привязь где-нибудь в лаборатории, или отправили бы спать на придверный коврик у черного входа в дом.

Именно по требованию Дрй(-я) Грх доложил Расширенному Совету Гатилайи о моем присутствии на планете. Это сегодня. А завтра он должен был выступить перед его членами, видимо, с объяснениями. Что явно нервировало и его, и членов его семьи.

Меня же ничего не нервировало. Мне все было интересно. А еще хотелось побыть одной и свободы.

Последнее, впрочем, достаточно быстро сбылось благодаря все тому же зятю истеричной хозяйки этого особняка.

После доклада Грх(-а) Совету, Дрей потребовал выделить мне комнату и настоял на своем, несмотря на вопли мамыши о «наличии у меня в волосах паразитов всех мастей и видов (наверняка) и о том, что я (несомненно) поубиваю тут их всех и прямо этой ночью и начну».

Надо сказать, что с последним был согласен и мой сосед, хотя относительно первого он что-то такое вякнул о пройденном мною карантине. Что, правда, нисколько не убедило его маман, но зато он вызвал у нее новый приступ истерики тем, что посмел ей возразить.

Тут мне уже просто стало смешно. И я сидела, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться в голос, поскольку прекрасно понимала, что это уже будет полным оскорблением сих спесивцев. А мне-то еще с ними жить как-то надо будет, по крайней мере какое-то время.

Спасла ситуацию Гианэя, как я обозвала про себя сестру Гарха. Нет, я бы могла произносить их имена и без гласных, но мне так было удобнее, плюс это не расходилось с их представлениями о моей безграничной тупости, что давало мне некоторые преимущества по жизни.

Ведь если тебя не считают за равного себе, это всегда дает тебе преимущества, позволяя оставаться в тени. И не твоя вина, что тебя недооценивают.

Кто не питал иллюзий относительно моей врожденной тупости, так это, похоже, Дрей. Уж больно острые, колющие, словно игла, незаметные и одновременно цепкие, задумчивые взгляды он на меня кидал из-под полуопущенных век.

Если остальные члены семейства вскакивали со своих мест, нервно ходили по комнате, Гианэя даже всплакнула, то он сидел, расслабленно откинувшись на спинку старинного кресла, вытянув ноги на пуф, сцепив пальцы на животе и полуприкрыв глаза. И подавал голос только в самые пиковые моменты истерики родни. Когда нервоз совсем уж выходил за рамки приличия. Тогда он чуть шире открывал один глаз и резко, хотя и очень спокойным тоном, обрывал не на шутку расходившихся обитателей особняка.

Его рубленые фразы звучали словно удар хлыста. Прекращая оскорбления, споры, выяснение отношений и подводя им итог. Да и споров-то, по сути, никаких не было, как я понимала. Были приняты им решения. Судя по всему, самолично и сразу. И они не подлежали сомнениям. Остальное... Он просто давал возможность остальным выпустить пар.

Что они успешно и проделывали битый час, пока ему это не надоело.

Тогда Дрей просто встал, приказав выделить для меня комнату, в которой я и буду жить. И направился к выходу, жестом остановив жену, поднявшуюся вслед за ним со своего кресла.

Полуобернувшись в дверях, он с легкой усмешкой сообщил ей:

– А ты, дорогая, останешься здесь. И проследишь, чтобы ребенка не обижали. Чтобы кормили, поили и одевали наравне с остальными членами семьи. И чтобы она пользовалась такой же свободой.

Дрей сделал акцент на последнем предложении, увидев, что Гарх открыл было рот, чтобы возразить ему.

И тот, посинеv, лишь молча склонил голову в знак подчинения.

Лицо Дрея оставалось непроницаемо, когда вновь переведя взгляд на жену, он продолжил:

– И она должна социализироваться, помни об этом. А если я узнаю о том, что ее как-то ущемляют в правах, ограничивают в свободе или оскорбляют, то вспомню об Уголовном Кодексе. И не просто вспомню, а применю.

С этими словами он широко улыбнулся и, отвесив легкий поклон, вышел за дверь.

Его походка была легкой, упругой и совсем бесшумной.

«Хищник, – подумала я. – Умный. Опасный. Сильный».

При этом внутреннее чутье подсказывало мне, что это еще не самые точные эпитеты относительно этой персоны.

Я подняла глаза на стоящую рядом со мной женщину.

– Пойдем, решим, в какой комнате ты будешь жить, – тихо произнесла Гианэя.

Вид у нее был слегка потерянный, а голос грустный.

– Отведи ее как можно дальше! Я не желаю обитать с ней в соседних комнатах! – взвизгнула ее мать, крепко сжав подлокотники кресла.

Гианэя чуть побледнела, собираясь что-то возразить, но я не дала ей это сделать:

– Не надо, – спокойно произнесла я, глядя ей прямо в глаза и поднимаясь с низенького пуфа. – В данном случае наши желания совпадают. Я тоже хочу быть от нее подальше.

Хозяйка дома аж содрогнулась от возмущения. Grimаса яростного презрения перекосила ее лицо.

«Видимо, мысль о том, что не все мечтают о близости к ее персоне, так бьет по ее самолюбию», – решила я, улыбаясь про себя во все тридцать два зуба.

Мы вышли из гостиной, сопровождаемые пристальными и неприязненными взглядами оставшихся в ней обитателей этого особняка.

Так я и оказалась в своей комнате. Тихой, уютной, красивой. И подальше от членов этого семейства.

Глава 8. Ночной визит

Матрас был мягким, пижама приятной на ощупь, воздух в меру прохладным, а я уставшей. Почему и заснула сразу же, лишь только моя голова коснулась подушки.

Спала без сновидений. В ощущении комфорта, уюта и относительной безопасности.

А где-то в середине ночи я просто открыла глаза, поняв, что уже не одна. Не было паники, ощущения опасности, не было резкого выдирания из мира снов. Было знание того, что ко мне пожаловали с визитом.

Полежав пару секунд с открытыми глазами в осознании сего факта, я сладко потянулась и встала с постели одним коротким и резким скачком, оказавшись на полу. А затем, шлепя босыми ногами по паркету, отправилась на балкон.

Там, на углу широких мраморных перил, упираясь чуть поджатыми ногами в ажурное ограждение балкона, сидел муж Гианэи и задумчиво смотрел прямо перед собой. Я тихонечко подошла и встала рядом, оперевшись двумя руками о перила.

Мрамор приятно охлаждал кожу, на звездном небе Гатилайи сияла огромная красноватая луна, в густых зарослях кустарника, окружающего дом, заливались ночные птицы, в траве стрекотали кузнечики. Ночные цветы чуть светились в темноте, наполняя воздух горьковато-пряным ароматом. Теплый, ласковый ветерок лениво колыхал занавеску, отделяющую балкон от комнаты, нежно касался моей кожи, доносил смесь каких-то невообразимых ароматов из окружающего особняк леса и деликатно то ли гладил, то ли трепал мои волосы, к слову, и так взлохмаченные. А может быть, он как раз и пытался их уложить поприличнее?

– Ты бы накинула пеньюар, – задумчиво процедил сквозь плотно сжатые зубы Дрей, не поворачивая в мою сторону головы.

«Че-то они все разговаривают со мной сквозь зубы. Что тот черноглазый на Кате, что теперь этот тут», – как факт отметила я про себя. А вслух, фыркнув, произнесла:

– Хватит с вас и пижамы.

И продолжила наслаждаться ночными видами с балкона. В конце-то концов, не я ж к нему завалилась глубокой ночью. Раскомандовался тут. Он что, ожидал меня ночью при полном параде увидеть? Пусть скажет спасибо, что его жена уговорила меня одеть пижаму. Самато я предпочитаю спать раздетой. А все эти их цивилизованные штучки меня раздражают. Обвешались условностями, понимаешь ли. Как спать, так в пижаме и пеньюар накинь. А как ночью в гости проникать, так ничего. Это нормально.

Ночной гость усмехнулся уголком рта, словно читая мои мысли.

– Все такая же, – сварливо произнес он непонятную для меня фразу и, полуобернувшись, изучающее посмотрел мне в глаза.

Его взгляд был чуть рассержен, голос раздражен, но в глубине карих глаз прятались боль, какое-то отчаянье, непонимание и одновременно радость и нежность. Это была очень странная смесь из противоположных чувств. И нечто подобное я уже видела тогда, на Кате, в чернящих глазах прилетка.

– А какое у тебя было прозвище на твоей планете? – неожиданно поинтересовался мой ночной визави.

Я чуть пожала плечами, припоминая. В роду меня звали только по имени и разными ласковыми словами типа: малышка, дитя, куколка и т. п. А... Ну, разве что?

– Звездец, – выдала я Дрею, резко выдохнув.

– Похоже, – улыбнувшись как-то одной нижней губой, произнес он в ответ и снова отвернулся от меня, глядя куда-то прямо перед собой.

Некоторое время мы простояли молча. Не знаю, о чем думал он, я же думала о том, что зеленое солнце и красная луна как-то не вяжутся с голубоватым оттенком кожи аборигенов.

Она у них должна быть с зеленоватой. А почему тогда это не так? Они не местные? В их официальной версии истории об этом ничего не говорилось.

И резко повернувшись к Дрею, я выпалила:

– А почему у вас кожа не зеленая? Солнце же зеленое. Вы не местные?

Его губы сжались в узкую полоску, брови сошлись на переносице. Он хмуро окинул меня взглядом и, коротко мотнув головой, задумчиво произнес, словно подтвердил вынесенный ранее вердикт:

– Звездец.

И не успела я открыть рот, как мой собеседник одним плавным движением скользнул с балкона вниз, растворяясь в темноте аллеи.

Я же осталась стоять, наслаждаясь этой ночью и планируя осмотр окрестностей. Надо ж знать, где ты находишься. Тем более когда тебе все вокруг незнакомо.

Наконец, когда красноватая Королева Циклов, как про себя я называла луну, стала бледнеть, отступая за горизонт, я вновь отдала должное сну, с удовольствием припав щекой к нежному шелку наволочки и без страха проваливаясь в мягкую поволоку огромной подушки.

Я свернулась клубочком и, подложив ладошку под щеку, уснула почти мгновенно. И проспала без сновидений до того самого момента, когда горячие лучи здешней Звезды не начали щекотать мне веки из-за отдернутых Гианэей тяжелых бархатных штор.

* * *

В темном зале, прислонившись лбом к оконному стеклу и вцепившись в широкий деревянный подоконник двумя руками так, что на них побелели пальцы, хмуро, исподлобья глядя прямо перед собой, стоял высокий, мускулистый, широкоплечий, с узкими бедрами, рыжеволосый мужчина. Он не отрываясь, невидяще уставился куда-то в одну точку. И было похоже, что ни о чем не думал. А просто стоял и смотрел куда-то в одному ему ведомую даль. Но стоило заглянуть ему в глаза, и о полный сдержанной злости и боли взгляд его ярко-карих глаз, казалось, можно было огранивать алмазы. И уж точно очень сильно пожалеть о том, что нарушил его уединение.

Наконец он резко выпрямился, с силой ударив кулаком по каменной стене, и глухо произнес:

– Что ж, об этом я буду молчать. Как молчит и Красноголовый. Пусть остальные узнают сами. Если девчонке судьба...

Коротко усмехнувшись, он замолчал на полуслове и, запахнув черный, расшитый серебром халат, шагнул в темноту зала.

Ему еще много чего нужно было сделать. Ведь на завтра он объявил общий сбор членов Верховного Совета Гатилайи. А на повестке дня была судьба и инопланетного ребенка, и членов семьи, нарушившей Закон Содружества.

Глава 9. Окрестности

Пойти куда-то с утра, чтобы осмотреться на местности, у меня не получилось. С утра мы с Гианэей начали заниматься.

Этикет, законы, чтение, письмо. Теоретически я все это и так знала, но тут началась практика. И она несколько отличалась от теории.

Как войти в зал, как и с кем поздороваться, в каком порядке. Как использовать столовые приборы. Как расплачиваться в магазинах. Как ездить на общественном транспорте. Службы спасения. Связь. Устройство общества. Как, куда и в каких случаях одеваться. Что неприлично, что прилично для девочки.

К обеду у меня уже голова распухла от обилия информации и от ее проработки на практике. В последнем, к слову, нам помогали роботы. Изображавшие то официанта в ресторане, то полицейского, то врача, то знатного представителя власти, то престарелую женщину, то группу подростков-неформалов и т. д. и т. п.

В результате обед с семейством я выдержала с честью. Конечно, сказывалась и тренировка на модуляторах на яхте. Но об этом я скромно помалкивала, предоставив Гианэе за этим обедом гордиться собой как моим учителем. Она сидела рассиневшаяся, напряженная, но довольная нами обеими.

Гарх же лишь удивленно вскидывал брови, наблюдая за моими манипуляциями со столовыми приборами, да бросал поощрительные взгляды на сестру.

Портил общую картину лишь кислый вид их мамочки, но и она, как ни старалась, не нашла к чему придраться.

А в конце обеда, когда я встала из-за стола по всем правилам этикета, и Гианэя, и Гарх, и их дворецкий мне даже поаплодировали.

Это было приятно.

После обеда, когда мы вышли из столовой, стоя в широком, длинном коридоре, устланном ковровой дорожкой и освещенном старинными лампами, прикрепленными к стене, я поставила своего учителя перед фактом, остановившись на полпути в продвижении к гостиной:

– Я хочу прогуляться по окрестностям.

И заметив ее растерянность, кротко потупив взгляд, уточнила:

– Или мне нужен сопровождающий, как арестованной?

Она испуганно мотнула головой:

– Нет. Ты можешь гулять. Только надень на руку планшет. Там карта и связь.

Я согласно кивнула. Карта мне не мешает. Понятно, что там и маячок встроен. Но это без разницы. И так ясно, что без присмотра меня не оставят.

* * *

Одевшись в брючный костюм, доставленный мне тут же, едва я успела кликнуть на подходящий мне по качеству и размеру на гало-экране, и обувшись в удобные кроссоверы, доставленные все той же вакуум-почтой, я нацепила на запястье руки планшет и отправилась погулять по саду.

Правда, мой спортивный вид привел в трепет Гианэю, в бешенство ее маман и вызвал замешательство у Гарха. Впрочем, если они и сочли мой прикид слишком экстравагантным, то придержали свое мнение на кончике языка, что меня порадовало. Лишние споры мне были ни к чему. А как одеваться, идя на природу, я знала лучше их всех, вместе взятых.

С тем и отправилась в сад, встретив по пути дворецкого, который единственный из всех, пожалуй, что оценил мою одежду по достоинству. По крайней мере мне показалось, что в глубине его коричневых с темно-малиновой поволокой глаз засверкали веселые искорки одобрения.

И в ответ на это молчаливое понимание радостно тряхнув кудрявой головой, я быстро сбежала вниз по широким каменным ступеням и очутилась в саду.

Наконец-то! Одна и не в четырех стенах. Можно и погулять спокойно.

Сад оказался огромным, по моим меркам. В нем была и мягкая, словно пух, подстриженная трава изумрудно-зеленого цвета. И широченные, в несколько обхватов, высокие деревья с густой, темно-зеленой листвой, уходящие пиками коричневых стволов в высь неба. Было множество низкорослых, с острыми тонкими листьями салатного цвета кустов, покрытых цветами самого разнообразного вида. От мелких, словно семена гречи, до огромных, с человеческую голову. И все они благоухали, создавая неповторимый аромат этой территории.

Широкие дорожки аллей были выложены белой или серой плитками. В зависимости от задумки дизайнера, как я понимаю. Мне то и дело попадались скамейки, фонтаны и фонтанчики. В саду наблюдался перепад высот, соответственно имелись и разного рода лесенки. Серые, белые, серые с белыми перилами, белые с серыми перилами. Увитые плющом, винтовые. Они отличались изысканным разнообразием и чем-то напоминали мне шахматную доску. Вот только кто является фигурами на ней? Или фигурой? И кто держит эти фигуры в своих руках.

То и дело в глубине тенистых аллей парка возникали мраморные колонны, скульптуры, а то и скульптурные композиции.

Сад, несомненно, был стар, как и особняк. И принадлежал не одному поколению этой семьи.

Я носилась по его дорожкам, слушала щебет птиц, смотрела за полетом бабочек самых сногшибательных расцветок, лежала на его траве, ах, простите, газоне, ловя на нем же кузнечиков. Обследовала каждый куст в этом парке, полазила по деревьям. Нашла старинные водостоки. Полюбовалась быстрой речушкой, стоя на горбатом мостике. Побывала у семейного космодрома рода Зу-Хашах(З-Хшх). Прошлась вдоль высокого каменного забора, ограждающего территорию семьи от остальных.

Одним словом, к ужину я вернулась выгулянная и счастливая.

Что отразилось и на моем аппетите, и на моем сне. Спать я легла сразу же после ужина и проспала до самого утра, без снов и визитеров.

А утром опять были занятия. Танцы, живопись, музыка, этикет, языки и пр., и пр.

И обед в великосветской, чопорной обстановке. Ненавидящий взгляд матери Гианэи и напряженные взгляды остальных.

Впрочем, я не опозорилась. Не допустила ни одной ошибки ни за столом, ни в светской беседе, ни в чем.

Единственное, что меня насторожило, это общая нервозность собравшихся.

После обеда я спросила у своей бонны², глядя ей прямо в глаза:

– Гия, что случилось?

Она прерывисто вздохнула, после чего печально ответила:

– Высший Совет. Они заседают второй день. И для нашей семьи все может закончиться нехорошо.

Она грустно и чуть растерянно улыбнулась.

– Из-за меня? – полуутвердительно-полувопросительно произнесла я.

² Бонна – няня, гувернантка, воспитательница.

– Из-за самого поступка моего брата как такового, – чуть слышно произнесла женщина, протягивая руку, чтобы коснуться моей головы.

Я понимала, что она хочет меня погладить по волосам, скорее всего, но голову я привыкла беречь. И с трех лет не разрешала до нее дотрагиваться почти никому, за редким исключением. Так что я аккуратно, чтобы ее не обидеть и как бы между прочим, невзначай, перехватила ее руку и, сжав палец в своей ладони, предложила:

– А хочешь погулять со мной по саду?

Гианэя растерянно замерла, а потом обрадовано кивнула.

И мы отправились в сад, хотя у меня на сегодняшний день были совсем другие планы. Но я прыгала по каменным плиткам, носилась вокруг фонтанов и слушала ее рассказы про каждую скульптуру, каждую дорожку в этом парке. Все в этом имении имело свою историю, свою легенду. И все их мне поведала Гианэя.

От такой результативной прогулки моя голова снова распухла. И я решила, что завтра я точно выползу за пределы территории семьи Зу-Хашах. Если, конечно, жизнь не внесет свои коррективы.

Глава 10. За пределами имения

– То, что он посмел привезти сюда катанианку – плохо, очень плохо, – задумчиво вертя в руках бокал, с темно-вишневой, почти черной жидкостью, хмуро произнес Дрей.

– Преступно! – запальчиво произнес его собеседник густым басом.

Широкоплечий, крепкий шатен с иссиня-черными корнями волос, сидящий в кресле напротив рыжеволосого аристократа, в ярости сжал крупные руки в кулаки, предварительно осторожно поставив бокал с янтарной жидкостью на старинный журнальный столик ручной работы.

– Несомненно. – Дрей чуть наклонил голову, в знак согласия.

И пригубив темную жидкость из своего бокала, не торопясь продолжил:

– Но что еще хуже, так это проснувшаяся гордыня старшей женщины рода.

– Поясни, – из темноты зала в круг, освещенный парящим над столом изящным светильником, выступило еще одно действующее лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.